

ВОЕННАЯ ЖУРНАЛИСТИКА ВЪ ГЕРМАНИИ.

«Впередъ! Смѣлѣе впередъ! Безъ оглядки впередъ!»—вотъ общій крикъ XIX вѣка, раздающійся въ Европѣ и въ Америкѣ, проникающій всюду, даже въ неподвижный, въ теченія тысячелѣтій, Китай. Вездѣ только и слышимъ его; повсюду встрѣчаемъ блистательные результаты, вызванные этимъ всеобщимъ призывомъ къ дѣятельности, къ труду, къ движенію. Конечно, не всѣ одинаково понимаютъ или хотя бы понять этотъ призывъ. Одни видятъ въ немъ возгласы больного, лихорадочнаго состоянія чело-вѣка, который, въ увлеченіи своемъ, быть можетъ, и сдѣлаетъ нѣсколько твердыхъ, вѣрныхъ шаговъ, но вслѣдъ за тѣмъ не замедлитъ споткнуться и упасть въ изнеможеніи. Другіе же не хотятъ заглядывать впередъ; они видятъ только настоящее, сознаютъ, что оно хорошо, и имъ дѣла нѣтъ до того, сдѣлано ли это хорошее въ лихорадочномъ бреду или въ здоровомъ состояніи. И дѣйствительно, зачѣмъ входить еще въ эти подробности? Если оставленный на полѣ битвы раненый воинъ, въ предсмертномъ порывѣ, соберетъ всѣ свои угасающія силы и дотащится до перевязочнаго пункта, гдѣ его положеніе можетъ облегчиться, то неужели мы осудимъ его за это напряженіе, если бы даже оно оказалось и вреднымъ для него. Нѣтъ; быть можетъ, онъ умретъ отъ этого напряженія, но все таки онъ усладилъ свою кончину тѣмъ, что, тащившись къ перевязочному пункту, надѣялся на спасеніе и наконецъ сдѣлалъ для своего блага все, что только было въ его силахъ. Тоже самое и относительно современнаго

намъ общества: оно спѣшитъ на перевязочный пунктъ, гдѣ бы облегчилось и улучшилось его положеніе; конечно, путь дологъ, неизвѣстно, когда будетъ пройденъ и будетъ ли наконецъ достигнутъ этотъ конечный пунктъ, но тѣмъ не менѣе, нельзя поприцать за это напряженное стремленіе впередъ. Много значить уже и то, что въ немъ заключается отрадная мысль о достиженіи чего-то лучшаго, которое, быть можетъ, никогда и не будетъ достигнуто вполне, но которое тѣмъ не менѣе издала манить и влечетъ къ себѣ.

При этомъ общемъ направленіи современнаго намъ общества, неужели военное сословіе должно оставаться неподвижнымъ? Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ, иначе оно сдѣлается чѣмъ-то особеннымъ среди общества; какой-то кастой, отчужденной, устарѣлой, какъ и самое понятіе о кастѣ. Напротивъ того, призывъ къ движенію впередъ долженъ найти себѣ еще болѣе сильный отголосокъ среди военнаго сословія, въ которомъ всякій застой въ высшей степени вредно можетъ отозваться и на самую политическую жизнь всего общества. И дѣйствительно, вездѣ мы находимъ, что призывъ этотъ встрѣченъ былъ сочувствіемъ людей военныхъ. Разумѣется, попадались люди, которые, не понимая, или даже не желая понять этого призыва, изъ пустыхъ опасеній, ни на чемъ не основанныхъ, или по личнымъ своимъ видамъ, старались противодѣйствовать этому движенію впередъ, но усилія этихъ людей останутся тщетны и они никогда не будутъ въ состояніи остановить это могущественное движеніе.

Необходимость этого движенія впередъ среди военнаго сословія давно уже была признана въ ученой Германіи, и подъ вліяніемъ этого признанія, въ ней стала развиваться довольно сильно военная журналистика. Развитие это особенно рѣзко сдѣлалось замѣтно съ начала настоящаго вѣка и вызвало появленіе нѣсколькихъ военныхъ органовъ, главными центрами которыхъ были Берлинъ—въ сѣверной, Вѣна—въ южной и Дармштадтъ—въ центральной Германіи. Наибольшее число журналовъ выходило въ Берлинѣ и Дармштадтѣ. Но долговѣчность большей части этихъ журналовъ была непродолжительна; весьма многіе изъ нихъ появлялись, выходили годъ, два, три и исчезали, уступая мѣсто новымъ, такъ что, двадцатипятилѣтнее существованіе Дармштадтской газеты *Allgemeine Militär Zeitung* считалось чуть ли не баспословно продолжительнымъ. Сверхъ того, несмотря на довольно быстрое развитіе нѣмецкой военной журналистики,

многимъ казалось, что существующихъ журналовъ все еще недостаточно для германскаго военнаго общества. Дѣйствительно, въ прошломъ году всего въ Германіи выходило только восемь журналовъ, а именно: въ Берлинѣ 4, въ Вѣнѣ 1 и въ Дармштадтѣ 3; въ нынѣшнемъ же году два дармштадтскіе журнала соединились и издаются одною общею редакціею, такъ что общее число военныхъ періодическихъ изданій въ 1859 г. всего простирается только до семи. Такая бѣдность военныхъ журналовъ, при очевидномъ, однако же, стремленіи къ возможно большому ихъ распространенію, очевидно должна была обратить на себя вниманіе. Казалось страннымъ, почему вновь появляющіеся военные журналы весьма скоро прекращали свое существованіе, между тѣмъ, какъ многія, даже плохія политическія газеты продолжали жить; это тѣмъ болѣе казалось страннымъ, что самое военное общество, если не все, то по крайней мѣрѣ частью, требовало чтенія, хотѣло идти впередъ и именно вызывало журналы, чтобы они прокладывали дорогу для общества, указывали бы ему путь, по которому оно должно слѣдовать.

Все это вызвало въ нѣкоторыхъ нѣмецкихъ военныхъ журналахъ рядъ статей, которыя обратили вниманіе на всѣ эти обстоятельства, и старались разгадать и указать причины замѣннаго неуспѣха большей части военныхъ періодическихъ изданій. Статьи эти крайне интересны, потому что показывают настроеніе умовъ въ нѣмецкомъ офицерскомъ кругѣ и служатъ довольно полнымъ матеріаломъ для указанія тѣхъ недостатковъ въ военномъ образованіи тамошнихъ военныхъ, которые можно встрѣтить и въ большей части европейскихъ армій.

Первый вопросъ, который, очевидно, долженъ былъ представиться, это тотъ, отчего существованіе нѣмецкихъ военныхъ періодическихъ изданій столь непрочное? Въ чемъ заключаются главные причины этого явленія: въ неудовлетворительности ли редакцій этихъ журналовъ, или же въ слабомъ сочувствіи, какимъ встрѣчаются эти журналы военными читателями? Оказывается, что обѣ эти причины одинаково задерживаютъ полное развитіе нѣмецкой военной журналистики. Посмотримъ же, какъ велико дѣйствіе каждой изъ этихъ причинъ.

Первый умрекъ, который дѣлаютъ, и весьма справедливо, нѣмецкимъ военнымъ газетамъ, это крайній недостатокъ въ нихъ

живыхъ, современныхъ вопросовъ, которые были бы въ состояніи удовлетворить общество, ищущее сильныхъ впечатлѣній, горячихъ споровъ. Мы сказали уже, что какая-то лихорадочная жажда дѣятельности составляетъ отличительный характеръ той эпохи, въ которой мы живемъ; желаніе добиться истины заставляетъ подвергать каждую мысль, каждое дѣйствіе, строгой критической оцѣнкѣ; всякая новая идея сама напрашивается, чтобы ее здраво обсудили, взвѣсили и тогда только дали ей ходъ. Безъ этого ея никто не приметъ, потому что прошли уже безвозвратно тѣ времена, когда общество находилось въ апатіи, принимающей безусловно все, что только выходило изъ головы нѣкоторыхъ привилегированныхъ авторитетовъ.

Нѣмецкія военныя газеты именно не могутъ представить ничего такого, чтобы могло удовлетворить лихорадочно-разумному направленію вѣка. Дѣйствительно, ими не затронуто ни одного живаго, современнаго вопроса, не только такого, который бы могъ интересовать цѣлое общество, но даже и такого, который бы относился къ одному военному сословію. Военное сословіе, или армія, въ обширномъ смыслѣ этого слова, прежде всего составляетъ часть гражданскаго общества въ государствѣ, часть, истекающую изъ него и нераздѣльно связанную съ самимъ государствомъ. Каждый членъ этой арміи прежде всего гражданинъ, а потомъ уже воинъ; прежде всего сынъ одного общаго отечества, а потомъ уже военно-служащій. Слѣдовательно, въ жизни этой арміи непремѣнно должно быть множество сторонъ, которыя совершенно общи, какъ для гражданина, такъ и для воина; напримѣръ, необходимость образованія, сознанія чувства законности, долга, стремленіе къ развитію въ себѣ всѣхъ истинно человѣческихъ началъ, все это равно необходимо, какъ для чловѣка военнаго, такъ и для невоеннаго. Поэтому-то вопросы о началахъ общаго образованія, о вкорененіи основныхъ истинъ чловѣколюбія, уваженія къ чловѣку и многіе другіе, всегда могутъ найти себѣ мѣсто на страницахъ всякаго военнаго журнала. Но, съ другой стороны, и самая армія имѣетъ свою особую жизнь, въ которой могутъ проявляться самые разнохарактерные вопросы, независимо отъ возникающихъ по различнымъ частямъ, такъ сказать, технической части арміи, ея вооруженія, снабженія и проч. Вотъ, значитъ, обширное поприще для военныхъ журналовъ и газетъ. Нѣмецкая военная журналистика не избрала

этого поприща, а нашла болѣе покойнымъ, и пожалуй, даже болѣе безопаснымъ, обратиться на путь историческихъ изслѣдованій, робкихъ приговоровъ о вновь выходящихъ сочиненіяхъ, перепечатаваемыхъ изъ политическихъ журналовъ, безъ всякой почти критической оцѣнки, сообщеній объ измѣненіяхъ по различнымъ частямъ военныхъ силъ цѣлаго Свѣта. Въ такомъ видѣ, конечно, она все таки приноситъ нѣкоторую пользу, потому что знакомитъ своихъ читателей со всѣми явленіями военныхъ измѣненій, но польза эта слишкомъ ограничена. Читатель прочтетъ, что тамъ-то прибавлены четвертые баталіоны, а тамъ-то уничтожены; такой-то городъ укрѣпляется, а въ такомъ-то укрѣпленія скрыты,—все это свѣдѣнія, пожалуй, даже полезныя, не лишеныя интереса, но что за польза въ нихъ, если они сообщаются безъ всякой критической оцѣнки; свѣдѣнія эти прочтутся, иной читатель, быть можетъ, остановится, даже и спроситъ себя, что за причина, что вотъ тамъ-то прибавили лишній баталіонъ, ужъ не война ли? Но не находя въ самой газетѣ, тутъ же, нужнаго толчка для своего мышленія, онъ перейдетъ къ чему нибудь другому. Такимъ образомъ сухое, даже скучное направленіе нѣмецкой военной журналистики, нисколько не въ состояніи разшевелить мыслительныя способности своихъ читателей и отъ того-то журналистика эта не пользуется, да и не можетъ пользоваться, большимъ значеніемъ въ кругу германскихъ офицеровъ.

Конечно, въ этой сухости нѣмецкихъ военныхъ газетъ, нельзя безусловно винить ихъ редакторовъ, положеніе которыхъ, надо правду сказать, крайне щекотливо и невыгодно. Весьма часто, при всемъ своемъ желаніи, они не могутъ придать болѣе живаго интереса своимъ изданіямъ, по причинамъ, вовсе отъ нихъ независимымъ. Особенно это бываетъ ощутительно въ мелкихъ германскихъ государствахъ. Одинъ изъ сотрудниковъ *Allgemeine Militär Zeitung*, весьма справедливо замѣчаетъ, что вообще въ Германіи еще слишкомъ мало стремленія для узнаванія истины, особенно въ высшихъ кругахъ, и что похвалы всегда допускаются, но порицаніе нетерпимо и притомъ ощутительнѣе, чѣмъ менѣе страна, въ которой оно выказывается. Дѣйствительно, въ Австріи и Пруссіи, гораздо болѣе допускается откровенности въ разсужденіяхъ, чѣмъ въ какихъ нибудь мелкихъ герцогствахъ и ландграфствахъ; оттого такъ непродолжительно было существо-

ваніе многихъ нѣмецкихъ военныхъ газетъ, и отъ того-то существоющія до излишества даже осторожны.

Ко всему этому надо прибавить еще и то, что нѣмецкія военныя газеты нельзя сравнить съ газетами политическими; редакціи первыхъ крайне бѣдны сравнительно съ послѣдними. Будучи доступны для большаго числа читателей, политическія газеты всегда непремѣнно будутъ имѣть большее число подписчиковъ, чѣмъ специально военныя періодическія изданія, и это обстоятельство доставитъ первымъ возможность всегда располагать болѣе обширными средствами, имѣть лучшихъ сотрудниковъ и корреспондентовъ. Дѣйствительно, политическія газеты читаются всѣми и вездѣ; напротивъ же того, кто читаетъ военные журналы? Унтеръ-офицеры и солдаты еще и не думаютъ о военной журналистикѣ; люди не военнаго званія вовсе не интересуются ею; затѣмъ остаются военныя библіотеки со всѣми офицерами и военно-служащими, численность которыхъ въ Германіи не превышаетъ тридцати тысячъ. Слѣдовательно, вотъ вся масса читателей военныхъ журналовъ, но число подписчиковъ должно быть несравненно менѣе; не говоря уже о томъ, что многіе не выписываютъ журналовъ, потому что имѣютъ право пользоваться ими изъ полковыхъ библіотекъ, во многихъ полкахъ составляются общества между офицерами и иногда пять, десять членовъ выписываютъ одинъ журналъ и читаютъ по очереди. Ясно, что при такихъ обстоятельствахъ военныя періодическія изданія далеко не могутъ быть поставлены въ параллель съ политическими, какъ по числу подписчиковъ, такъ слѣдовательно, и по тѣмъ средствамъ, какими могутъ располагать.

Но могутъ возразить, что за то военныя газеты и журналы имѣютъ важное преимущество въ томъ отношеніи, что весьма многіе офицеры вовсе не требуютъ никакихъ вознагражденій за свои труды, а пишутъ только для славы и извѣстности. Но, такъ ли это въ нантъ положительный, матеріальный вѣкъ? Покрайней мѣрѣ редакціи нѣмецкихъ газетъ утверждаютъ, что вовсе не такъ; да иначе и быть не можетъ. Конечно, многіе изъ высшихъ офицеровъ присылаютъ очень часто свои труды въ редакціи, не требуя никакого вознагражденія и единственно только изъ желанія служить общему дѣлу; но за тѣмъ остается еще очень много офицеровъ, по большей части съ ограниченными средствами,

отъ которыхъ было бы даже странно требовать, чтобы они трудились «*pour l'honneur et la gloire*», особенно въ то время, когда многіе нѣмецкіе ученые продаютъ въ разныя повременныя изданія свои творенія, чуть не на вѣсь золота. Весьма естественно, что такимъ образомъ лучшіе матеріалы и лучшіе таланты изъ военныхъ избѣгаютъ военныхъ изданій и стараются быть помещенными тамъ, гдѣ видятъ для себя болѣе выгодъ.

Послѣ всего сказаннаго нами, чтожъ удивительнаго, что нѣмецкая военная журналистика, вмѣсто того, чтобы постоянно развиваться и совершенствоваться,—все болѣе и болѣе падаетъ и теряетъ свое значеніе. Но этого еще мало: въ кругу самыхъ читателей нѣмецкихъ военныхъ газетъ, есть еще другой зародышъ ихъ неуспѣха.

Въ Германіи существовало, а отчасти еще и донинѣ существуетъ довольно сильно распространенное мнѣніе, что высшее образованіе можетъ будто бы вредить развитію энергіи и силы характера, а въ особенности ослабляетъ практичность человѣка, которая болѣе всего нужна въ дѣлѣ военномъ, по преимуществу основанномъ на практикѣ, а не на теоріи. Какъ ни странно это мнѣніе, но появленіе его въ Германіи вполне понятно. Для нея высшій идеалъ военнаго искусства и всего, до него относящагося, заключается въ Пруссіи, но что же она видитъ въ этомъ государствѣ? Во-первыхъ, побѣды Фридриха Великаго, возвеличившія Пруссію на степень первоклассной державы, потомъ паденіе ея предъ побѣдами практическаго генія Наполеона, наконецъ, возстановленіе еще съ большею силою ея военнаго могущества практическою дѣятельностію Штейна, Шарнгорста, Гарденберга. Въ противоположность этому, она видитъ въ южной Германіи ученую Австрію съ ея позиціонными и кордонными системами, съ ея военными совѣтами, съ ея красивыми и стройными на плацъ-парадахъ арміями и съ генералами, которыхъ постоянно разбиваютъ; наконецъ съ ея Радецкимъ и Кроатами, которые безъ наукъ доставили ей побѣду. Результатъ подобнаго сравненія очевиденъ, но вѣренъ ли онъ или нѣтъ,—это еще вопросъ. А что мнѣніе это еще господствуетъ въ Германіи, это мы можемъ видѣть изъ слѣдующихъ словъ «*Allgemeine Militär Zeitung*»:

«Такъ какъ въ военномъ ремеслѣ болѣе требуется возможность сдѣлать что нибудь, чѣмъ положительное знаніе объ

этомъ (*), то это и повело къ тому, что многіе стали недостаточно цѣнить теорію. Храбрѣйшіе и просвѣщеннѣйшіе воины уже покинули этотъ закоренѣлый предрассудокъ, но тѣмъ не менѣе ему придерживаются еще очень многіе въ нашемъ сословіи. У насъ какъ то косо смотрятъ еще на военнаго писателя и конечно всякій изъ наилучшихъ офицеровъ сознается, сколько нужно ему осторожности, чтобы не задѣть какую нибудь слабую сторону фронтовой службы; иначе бѣда ему! Конечно, чрезмѣрное изученіе теоріи, или слишкомъ большая сосредоточенность въ занятіяхъ, не совсѣмъ соотвѣтствуютъ назначенію фронтоваго офицера. Притомъ же журналистика представляетъ еще и ту опасность для молодыхъ офицеровъ, что пріучаетъ ихъ къ поверхностности въ сужденіяхъ. Особенно прискорбно видѣть, что очень часто многіе ученые офицеры, какъ бы съ отвращеніемъ и преодолевая себя, исполняютъ свои служебныя обязанности; явленіе это вовсе не похвально, но совершенно понятно.

«Все это породило во многіихъ начальникахъ предубѣжденіе къ ученымъ офицерамъ и они зашли даже такъ далеко, что стали возставать вообще и противъ всякой теоріи и противъ тѣхъ даже офицеровъ, которые, не забывая нисколько службы, съ охотою предаются въ тоже время и ученымъ занятіямъ».

Мы нарочно сдѣлали эту выписку изъ нѣмецкой газеты, для того, чтобы показать ея направленіе, которое въ приведенномъ отрывкѣ вполне отразилось. Рѣзкости въ ней никогда не найдете: порицая что нибудь, она тотчасъ же старается найти въ порицаемомъ и хорошую сторону, чтобы смягчить свой приговоръ. Такъ, назвавши закоренѣлымъ предрассудкомъ нерасположеніе къ учености и теоріи, она вслѣдъ затѣмъ спѣшитъ добавить, что ученныя занятія и не совсѣмъ соотвѣтствуютъ назначенію фронтоваго офицера, и что даже журналистика опасна, потому что пріучаетъ къ поверхностнымъ сужденіямъ. Но въ такомъ случаѣ за чѣмъ же порицать тѣхъ, которые отвергаютъ ученіе? Намъ кажется, что не сосредоточенность въ ученыхъ занятіяхъ и не чрезмѣрное изученіе теоріи могутъ быть вредны, а напротивъ

(*) Здѣсь нѣмецкая газета довольно странно раздѣляетъ умение отъ возможности дѣйствія; подъ возможностью, она, очевидно, разумѣетъ практическую въ выполненіи, подъ умениемъ — теорію.

отсутствіе этой сосредоточенности и недостатокъ чрезмѣрнаго изученія теоріи. При нихъ является полуобразование, полуневѣжество, смѣсь блеску съ гнилью, которая всегда и вездѣ будетъ вреднѣе полнаго необразованія. А на это—то именно полуобразование и жалуются весьма часто нѣмецкія газеты. Они откровенно сознаются, что военное германское общество, рядомъ съ высокими образцами полнаго и блестящаго образованія, соединяетъ въ себѣ и самое скудное полуобразование, которое есть результатъ отсутствія прочныхъ элементарныхъ началъ, рано прерваннаго развитія и нахватанныхъ кой какихъ поверхностныхъ свѣдѣній. Столь рѣзкую неравномѣрность въ распредѣленіи образованія между офицерами, газеты эти приписываютъ отчасти неудовлетворительности тѣхъ германскихъ учебныхъ заведеній, которыя готовятъ для арміи офицеровъ, отчасти же и принятой системѣ производства въ чины, вслѣдствіе которой молодые люди, рассчитывая на вѣрное повышеніе, оставляютъ всякія ученыя занятія и открыто пристаютъ подъ знамя полуобразованности. Ко всему этому надо присоединить еще и то, что въ арміяхъ, особенно мелкихъ германскихъ владѣній, такъ мало требуется отъ офицера при исполненіи его обязанностей, что экзаменъ для производства въ чинъ можетъ выдержать самый даже неспособный и лѣнивый ученикъ любого учебнаго заведенія.

Изъ всего сказаннаго можемъ вывести то заключеніе, что если въ Германіи съ одной стороны и есть еще лица, утверждающія, что ученіе вредно для военнаго, и что теорія безусловно пагубна, то съ другой стороны и самое общество нѣмецкихъ офицеровъ, вслѣдствіе неравномѣрно распространеннаго въ немъ образованія, находится еще въ такомъ положеніи, что какъ бы поддерживаетъ мнѣніе о вредѣ ученія. А при такихъ обстоятельствахъ трудно развиваться военной журналистикѣ: она не найдетъ къ себѣ сочувствія, не приобрѣтетъ ни сотрудниковъ, ни подписчиковъ. Дѣйствительно, есть доказательства, что напримѣръ, въ одномъ гарнизонѣ, гдѣ при войскахъ состояло около 500 офицеровъ и военно-служащихъ, въ теченіе года, одинъ изъ лучшихъ нѣмецкихъ военныхъ журналовъ имѣлъ только двухъ подписчиковъ! Одно военное сочиненіе, выходящее періодически въ теченіе семи лѣтъ, окончило въ 1850 году свое существованіе съ 120 подписчиками, и издатель никакимъ обра-

зомъ не могъ сбыть оставшіеся у него неразобранными 250 экземпляровъ, несмотря на то, что сочиненіе стоило всего только одинъ гульденъ (*) и заключало въ себѣ драгоцѣнные военно-историческіе матеріалы!

При видѣ всѣхъ подобныхъ явленій, невольно является вопросъ, — чтожь дѣлать, чтобы помочь бѣдѣ? Указывать на одни только недостатки чего нибудь легко, но укажите вмѣстѣ съ тѣмъ и на тѣ мѣры, которыя слѣдуетъ принять для уничтоженія этихъ недостатковъ;—въ этомъ вся трудность положенія. Нѣкоторые изъ нѣмецкихъ военныхъ писателей полагаютъ, что главные причины слабаго успѣха военныхъ періодическихъ изданій заключаются въ самыхъ редакціяхъ; что для Германіи слишкомъ мало существующихъ военныхъ газетъ, что оттого между ними нѣтъ никакой конкуренціи и редакціи дѣлаютъ свое дѣло кое-какъ, лишь бы имѣть какую нибудь сотню, другую подписчиковъ. Но обвиненіе это несправедливо; мы видѣли уже, какія трудности встрѣчаются редакторами при исполненіи ихъ обязанностей и надо отдать имъ справедливость, что съ своей стороны они дѣлаютъ все, что только возможно, для того, чтобы сдѣлать свои изданія наиболѣе полезными и занимательными. Чтоже касается того, чтобы учреждать еще новыя газеты, для возбужденія болѣе сильной конкуренціи, то и съ этимъ мнѣніемъ нельзя вполне согласиться. Конкуренція была бы умѣстна въ такомъ случаѣ, если бы дѣйствительно число подписчиковъ и сотрудниковъ было значительно. Но при ограниченномъ числѣ сотрудниковъ, на которыхъ могутъ разчитывать военныя нѣмецкія газеты, и при замѣтной апатіи нѣмецкихъ офицеровъ къ военной журналистикѣ, — конкуренція и не можетъ появиться. Напротивъ того, гораздо вѣрнѣе сужденіе тѣхъ, которые полагаютъ, что для Германіи и существующихъ нынѣ военныхъ журналовъ слишкомъ много и что было бы гораздо лучше, еслибы для цѣлаго Германскаго союза издавалось два, много три большихъ военныхъ журнала. Эта мысль особенно правится всѣмъ тѣмъ, которые вездѣ и во всемъ видятъ стремленіе къ осуществленію единства Германіи. Единая, цѣлая, хотя нельзя сказать, чтобы нераздѣльная, Германія, общая для цѣлой Германіи армія и общія для всей этой арміи военно-періодическія изданія,

(*) Рейнскій гульденъ почти 53 копейки серебромъ.

мысль вполне современная для всякаго Германца, и притомъ мысль вполне основательная. Этимъ путемъ, Германія могла бы придать болѣе единства и однообразія всѣмъ своимъ отдѣльнымъ контингентамъ, а главное чрезъ это въ рукахъ редакціи подобныхъ большихъ органовъ сосредоточилось бы болѣе средствъ для успѣшнаго веденія изданія, а также усилія и труды сотрудниковъ получили бы болѣе сосредоточенности. Быть можетъ, нѣмецкая военная журналистика, современемъ и достигнетъ до этого, но въ настоящее время трудно еще предвидѣть близкое осуществленіе этой идеи. Притомъ же, является вопросъ, будутъ ли въ состояніи подобные большіе органы разбудить духовную дремоту большинства нѣмецкаго военнаго общества? Что имъ нужно будетъ для того? Тоже самое, что и для теперешнихъ военныхъ нѣмецкихъ изданій: болѣе живой силы, современности, которая одни только въ состояніи разшевелить общество. Германское военное общество чрезвычайно долго находилось въ совершенномъ усыпленіи и апатіи; оно изучало уставъ, военные положенія, и затѣмъ всякое стороннее знаніе считало не только не нужнымъ, но даже и вреднымъ. Такое положеніе вкоренилось, вошло въ привычку; вывести изъ него не легко и для этого нужны особыя мѣры и старанія. Начать учить это общество прямо серьезнымъ, докторольнымъ тономъ — неумѣстно; подобное ученіе будетъ принято холодно, и не въ состояніи будетъ утвердиться. Напередъ нужно заинтересовать это общество, толкнуть его такъ, чтобы оно увидѣло, что дѣйствительно положеніе, въ которомъ находится, не привлекательно, и вмѣстѣ съ тѣмъ указать путь, которымъ можно выбраться изъ этого положенія. Но путь этотъ отнюдь не долженъ быть тернистъ, иначе по немъ никто не согласится идти. Запойте ему пѣсню, скажите кстати острогу, другую, и онъ встрепенется, и послѣдуетъ за вами, въ путь за наукой, сначала съ пѣсней; а тамъ пожалуй далѣе можно идти уже и безъ пѣсенъ. Такъ и при современномъ состояніи германскаго военнаго общества: если нѣмецкія военныя газеты будутъ находиться въ томъ же положеніи, въ какомъ они находятся, то можно почти навѣрное сказать, что трудъ ихъ разшевелить германское военное общество останется напрасенъ. Но пусть они запойтъ пѣсенку, пусть прибавятъ въ свои статьи по больше юмору, соли, и тогда общество встрепенется; сначала его будутъ занимать остроты и даже журнальная брань, но по-

томъ, когда оно нѣсколько пройдетъ по новому пути, когда
стряхнетъ съ себя ту пыль, въ которой лежало, тогда и увидитъ
само, что остроты эти и брань неумѣстны, неприличны и что
необходимо стараться говорить о вещахъ въ болѣе серьезномъ
и благопристойномъ видѣ.

И. ГЛИННОЕЦКІЙ.

